

Столица Тун — Тунцзэ.

В последнее время душа отвечавшего за судоходное дело семейства Сяо, главного управляющего Ло Дэна, просто расцветала. Милость Небес, как и духи предков, благоволили семье Сяо.

Сын старого хозяина являлся поистине необычной личностью: у молодого господина присутствовал талант к торговле, и со временем, непременно, тот стал бы выдающимся торговцем.

Происхождение Ло Дэна было очень схоже с Ло Нином: мужчина пошёл по стопам отца, который, в свою очередь, когда-то последовал за своим отцом, более того, вся семья Ло преданно и самоотверженно служила роду Сяо. При этом родившийся и выросший здесь^[1] Ло Дэн, конечно же, всем сердцем мечтал сохранить для рода Сяо непоколебимую мощь и положение в торговых кругах.

Говоря, что не страшится смерти, мужчина на самом деле, даже занимая пост главного управляющего и отвечающего за корабельное дело семьи Сяо, всегда плохо тренировался в искусстве меча, проигрывая старому хозяину, Сяо Цзуну. Чаще бывали случаи, когда Ло Дэна охватывало тихое недовольство из-за головорезов рода Сяо, на поведение которых обычно он не обращал внимания.

Необходимо знать, что род Сяо на протяжении сотни лет завоёвывал известность во всём мире благодаря судоходному промыслу, который являлся делом всей семьи. Банда головорезов и другие люди наставника Сяо были второстепенным делом, только и всего, а не основой, передававшейся от предков.

Как назло, хозяин предыдущего поколения, Сяо Цзун, обладал врождённым талантом мастера меча и почти с рождения связал свою судьбу с клинком, всю жизнь думая лишь о нём. Изо дня в день мужчина оттачивал свой талант, совершенно не обращая ни на что внимания. Чем дольше Сяо Цзун упражнялся, тем больше забывал об унаследованном от предков деле, а по мере оттачивания мастерства росла и репутация господина Сяо.

Впоследствии люди всего мира при упоминании имени Сяо Цзуна в первую очередь думали не о судоходном деле, а об удивительном мастере клинка и его головорезах. Знали бы предки рода Сяо о такой судьбе, то, возможно, находясь в гробу, рассердились бы до кровавой рвоты^[2]!

Прокручивая в голове подобные мысли, Ло Дэн незаметно для всех качал головой.

Никто не посмеет протянуть руки к промыслу рода Сяо, ежегодно по-прежнему приносящему удивительные доходы, и не из-за каких-либо нововведений в грузоперевозке, а лишь из-за того, что многие торговцы трепетали перед мечом Сяо Цзуна, потому не смели отнимать его семейное дело.

Все эти годы законный промысел рода Сяо, обделённый вниманием со стороны прежнего хозяина, можно сказать, стоял на месте, нисколько не продвигаясь. Но кто бы мог предположить, что в тот момент, когда Ло Дэн тяжело вздыхал, тревожась о дальнейшей судьбе дела, громкие раскаты грома один за другим взорвут тишину.

Бах!

Оказывается, у старого хозяина, Сяо Цзуна, много лет назад была женщина!

Бах!

Эта женщина сейчас самый знаменитый мастер ядов — госпожа Яое!

Бах!

Эта женщина для прежнего хозяина родила сына!

Бах!

Сын этой женщины оказался невероятно прославленным силэйским князем Мином!

Другими словами, князь стал их молодым господином, а в письме прежнего хозяина, Сяо Цзуна, говорилось: всё богатство, как и семейное дело рода Сяо, переходит в руки юного мальчика!...

Бах! Бах! Сильный раскат грома! Эхо которого ещё предстояло услышать.

Оказалось, молодой господин рода Сяо, Фэн Мин, был полон различных причудливых идей[3], касаемых торговли! Таких как: комплекс услуг для свадебного путешествия между странами по реке Оман, политика поощрения верных соратников, вместе с тем продажа удивительных местных диковинок, славящихся во всех одиннадцати государствах... Подобное было более чем великолепно, даже юцзы — знаменитое вино из Фэньчэн — было внесено в список удивительных вещей. Молодой господин ещё предложил купить в Фэньчэн большой постоянный двор и винный погреб и поблизости посадить сотню деревьев юцзы, а в будущем построить, как выразился молодой господин, курортный коттеджный посёлок, специально отведённый для отдыха богачей.

Ло Дэн почти заплакал.

Предки рода Сяо, вы всё-таки обладаете душой на небесах, ваша основа зарабатывания денег передалась молодому господину, вашему потомку. Вот только...

— Молодой господин, что такое курортный коттеджный посёлок, а?

— Курортный коттеджный посёлок? Ну это... — без посторонних Фэн Мин, не изменяя своей привычке, склонил голову и, немного почесав затылок, после долгого размышления всё же придумал, как объяснить словами древнего мира: — А! Это загородный дворец, походная резиденция[4]! Вот только они будут проживать в месте, принадлежащем нашей семье Сяо, с последующей оплатой. Да, будет лучше, если они оплатят количество прожитых у нас дней.

— Понятно. — Внезапно осознав, Ло Дэн опустил голову и вписал на сплошь расписанном шёлке прозвучавшее от князя, и, опустив кисть, со смехом добавил: — Все слова молодого господина я записал и как можно скорее всё устрою, чтобы затем людям донести сказанное молодым господином. Надо хорошенько подумать, с чего начать подготовку, затем я попрошу проверить разные места и обстановку, посмотрим, где новое дело принесёт больше прибыли, а где — нет, ещё, пожалуй, потребуется включить какой-никакой начальный капитал, и менее чем за двадцать дней доложу молодому господину о новостях.

— Угу, — кивнул Фэн Мин.

Ощущения весьма неплохи, кажется, именно так чувствуют себя гендиректора транснациональных предприятий. Стоит высказать имеющиеся идеи, и сразу же кто-нибудь принимается исследовать рынок, собирать информацию, а если осуществляется задуманное, тотчас появляются инвесторы, и тогда прибыль начинает поступать непрерывно.

Раньше Его Светлость ел еду Жун Тяня, спал в опочивальне императорского дворца, но сейчас произошла смена ролей[5], что поистине радовало, а это значило, настал черёд императора вкушать еду князя, спать с ним в его, княжеской, опочивальне. Ха-ха-ха, от подобных мыслей Фэн Мин тотчас почувствовал себя хорошо.

Ло Дэн также прервал молчание:

— У молодого господина и впрямь прирождённый талант к ведению торговли и, как оказалось, столько много идей по получению прибыли. — Высушив чернила на шёлке, где записывал идеи Фэн Мина по поводу ведения дела, мужчина осторожно убрал его в рукав. — Да, кстати, в прошлый раз молодому господину рассказывал про помощников управляющего и других управляющих, ответственных за перевозку...

«О, Небеса, снова именной список!» — у князя, стоило услышать слова мужчины, голова пошла кругом[6], и с печальным видом Его Светлость проронил:

— Управляющий Ло, пощадите меня сегодня, с момента приезда в Тунцзэ я только и делаю, что кручусь, как стёганый плетью волчок[7]. Ведь банкет в императорском дворце также является делом семьи Сяо, ещё нужно добиться аудиенции у множества влиятельных персон страны. А сегодня, только проснувшись, я оказался «пойман», и пришлось встретиться с тем шарлатаном, интересующимся какими-то гаданиями, с высшим чиновником Тянь Гуанем, с которым четыре часа мы обменивались совершенно пустыми приветствиями, ещё Жун Ху, поддавшись на Ваши

провокации, при каждом удобном случае суёт мне учётную книгу семьи Сяо, заставляя её изучать, а ещё гадкий Ло Юнь целыми днями пристально следит за мной. Разглядев мои скромные навыки в искусстве меча, немедля намеревается, воспользовавшись моментом, отправить на тренировки... — Заметив холодный взгляд стоящего в стороне Ло Юня, Фэн Мин высунул язык и спешно добавил: — Я знаю, что необходимо тренироваться, но пусть проявит жалость, позволив человеку передохнуть.

На что Ло Юнь вернул:

— Молодой господин желает спешно вернуться к себе и отдохнуть?

Слова сразу укололи до крови[8], обличая княжеские мелочные расчёты, и Фэн Мин внезапно неловко захохотал. Конечно, он намеревался вернуться к себе.

Жун Тянь, этот тип, в последнее время ежедневно сбегал и лишь перед рассветом воровато возвращался, времени для уединения с Фэн Мином оставалось всё меньше и меньше. Потому сегодня, с большим трудом уловив небольшой отдых, мужчина неожиданно сказал любимому фениксу, что целый день проведёт в покоях Его Светлости, а вечером составит компанию князю.

Только из-за заявленного предложения Фэн Мин, решая дела семьи Сяо, всё время думал именно о силэйском императоре, и если бы не Ло Юнь и его пристальное внимание, князь уже давно, отбросив обязательства молодого господина Сяо, помчался бы в свою временную резиденцию развратничать[9].

Сделав притворно-жалкий вид, князь обратился к Ло Юню:

— Встретился с гостями и почти разобрался с делами нашей семьи, теперь могу вернуться к себе?

Ло Юнь едва слышно фыркнул, отвернув лицо в сторону:

— Хочет молодой господин идти к себе или нет, с какой стати ничтожному подчинённому его останавливать?!

Стоящую в стороне Цю Син совершенно не радовало поведение Ло Юня, и, оперев руки в тонкую талию, она произнесла спешно и в то же время звонко:

— Дурной[10] Ло Юнь, ты что, в последнее время принимаешь не то лекарство[11], а? Целыми днями молчишь с холодным лицом мертвеца. К князю Мину не проявляешь даже капли уважения, а ведь он твой молодой господин! Да ещё я уже давно хочу у тебя спросить: вчера, когда Цю Юэ вернулась в покои, то сразу же плохо себя почувствовала, уж не твоих ли рук это дело?

Фэн Мин с изумлением переспросил:

— Цю Юэ заболела? Сегодня утром я спрашивал у тебя, а как ты мне ответила: она хочет вышить новый носовой платок, а вечером придёт поухаживать за мной?!

На безэмоциональном лице Ло Юня неожиданно проскользнула едва заметная шелковинка удивления — подобное даже за тысячи лет с трудом можно было увидеть, сам же мужчина спустя долгое молчание приглушённо поинтересовался:

— Она заболела?

Близняшка пристально уставилась на Ло Юня.

— Пф! Глядя на твой виноватый вид, я сразу поняла, что наверняка ты тогда выхватил меч и напугал её. Такая банда головорезов только и может что издеваться над девушкой, изверги и только. — Обратив взгляд на обеспокоенного князя, демоница[12] тотчас же перевоплотилась в небесное создание, чей лик украшала мягкая, словно вода[13], улыбка, и отозвалась: — Не беспокойтесь, князь Мин, Цю Юэ не больна, просто она вчера, вернувшись домой, выглядела крайне странной, словно была чем-то напугана. Я спросила, что случилось, она ответила, что потеряла носовой платок и отправилась прогуляться по двору, тогда я без раздумья уточнила, не натолкнулась ли она на кого-то. Сестра хоть и не захотела мне отвечать, с кем случайно встретилась во дворе, однако я в итоге предположила, что это, должно быть, приставучий тип, Ло Юнь. — Договорив, служанка вновь посмотрела на мужчину.

Ло Юнь, вспомнив вчерашний вечер, растерялся в душе, более того, дисциплина и смирение, коими обладал молодой мастера меча, неизвестно куда подевались. Промедление длилось довольно долго, язык словно омертвел, а сам телохранитель пребывал в растерянности, не зная, что ещё сказать.

К счастью, глуповатый Фэн Мин вновь примерил на себя личину — некогда уже использованную им — порядочного человека и вместо Ло Юня поинтересовался:

— Цю Юэ напугана? Неужели всё-таки заболела? В конце концов как она сейчас? Ох, я должен пойти навестить её, и ты тоже хороша, почему ничего мне не сказала? Как долго она в комнате лежит одна-одинёшенька?

Цю Син ответила:

— Тот небольшой испуг уже прошёл, ей сейчас лучше. Она правда в комнате вышивает новый носовой платок, если князь Мин не верит, то будет лучше пойти и удостовериться лично.

Фэн Мин, никак не успокаиваясь, продолжал:

— Я немедленно пойду к ней. — Церемонно распрощавшись с Ло Дэном, князь сразу же направился к выходу.

Ло Юнь без лишних слов[14] последовал за господином, но внезапно почувствовав, как кто-то приближается сзади, телохранитель по наитию, вытянув левую руку назад, с силой схватил противника — слух тут же пронзил болезненный крик Цю Син, и, только тогда осознав, что сжимает руку служанки, мужчина спешно отпустил её.

Будучи мастером меча, Ло Юнь обладал грубыми и сильными руками, и за небольшой, казалось бы, промежуток между тем, как мужчина сомкнул и затем разжал пальцы, запястье девушки уже покраснело, глаза от боли также заслезились. Служанка пристально уставилась на обидчика с переполнявшей душу злобой:

— Ты... ты почему такой грубиян? Неудивительно, что Цю Юэ тебя называет отвратительным негодяем[15], как не стыдно?! А я ещё хотела замолвить за тебя словечко — вот уж действительно ошиблась! — И, наступив на ногу Ло Юня, девушка ушла, закусив нижнюю губу.

Не важно, что близняшка ушла, в ушах по-прежнему звучала фраза: «Цю Юэ тебя называет отвратительным негодяем», которая, словно меч, пронзала тело. Мужчина в расстроенных чувствах стоял на месте, долгое время мучительно размышляя. Когда он поднял голову, не увидел даже тени как княжеской, так и Цю Син.

Добравшись до места и войдя в комнату второй близняшки, Фэн Мин увидел, что Цю Юэ действительно была в порядке: она сидела под окном и, сжимая в пальцах иглу, продевала в неё нить. Вот только Цю Син ошиблась в одном — её сестра вовсе не вышивала носовой платок, а шила новые кожаные доспехи[16] для Его Светлости.

Эти доспехи должны были быть крайне добротными, полностью сшитыми из шкуры, специально сложенной в два слоя в области груди для защиты уязвимого места. Подобное одеяние снижало силу прямого удара, к тому же оно было легче металлических доспехов и являлось более совершенной защитой, чем опять же доспехи из металла.

Увидев на пороге Его Светлость, Цю Юэ вскочила, выглядя крайне счастливой:

— Князь Мин как раз вовремя, эти лёгкие доспехи я шила на протяжении всего времени и сегодня наконец-то почти доделала, только небольшая часть рукава не закончена. Скорее подойдите примерить, я посмотрю, впору Вам или нет.

Следовавшая позади Цю Син вместе с сестрой помогла Его Светлости переодеться. Кожаные доспехи были очень лёгкими и удобными, да и длина с размером пришлись как раз. Запах от дублёного изделия исходил превосходный, Фэн Мин с улыбкой на лице притрагивался к доспехам бордового цвета, которые на ощупь казались мягкими, но в то же время обладали прочностью. С первого взгляда можно было понять — вещь и впрямь добротная.

Вскоре Его Светлость, не выдержав, спросил:

— А что это за кожа, никогда такой не встречал раньше.

На что Цю Юэ ответила:

— Я тоже впервые её увидела, когда Жун Ху нашёл её в сокровищнице рода Сяо, опись которой делал тогда, и сказал, что это — шкуры огненных быков, обитающих в южных горах. Такие шкуры очень трудно достать, поскольку они являются редкостью, к тому же они мягкие и крепкие, из них лучше всего выходят отличные доспехи. Не князь Мин ли говорил в прошлый раз, что если доспехи повреждены, телу некомфортно? Жун Ху, отыскав, принёс шкуру и позволил мне сшить князю Мину хорошие доспехи — надев их под одежду, можно не бояться, что удар доставит какие-либо неудобства.

Жун Ху, оказывается, такой внимательный...

Щёки князя окрасились румянцем, а губы разомкнулись:

— Раньше не догадывался, что доспехи такие дорогие, да ещё говорил, что одежда неудобная, вот уж действительно не осознавал своего счастья, сейчас стыдно вспоминать это. Только после знакомства с У Цянем я понял, насколько тяжело рядовому бойцу достать обмундирование. Было бы замечательно, найдись какой-нибудь способ усовершенствовать создание и материал доспехов.

Цю Син прыгнула со смеха:

— Князь Мин сейчас всё больше напоминает взрослого человека, когда речь заходит о солдатах и простолюдинах, однако эти доспехи ещё не готовы — часть рукава не пришита, так что сначала снимите, чтобы их можно было доделать. Цю Юэ пришлось немало горести отведать, пока она корпела над ними, так как шкура дикого зверя плохо шьётся и требует много усилий — иголка упирается в костяшки, вон, поглядите, какие пальцы у Цю Юэ яркого цвета.

Фэн Мин повернул голову — и правда, кончики пальцев, которыми служанка держала иглу, были сплошь красные; чувство вины охватило душу, и, спешно взяв обеими руками ладонь близняшки, князь со всей заботой стал растирать несчастные суставы:

— Больно?

Девушка зарделась и вытянула руку из нежного плена.

— Князю Мину не нужно слушать чепуху Цю Син: если долгое время держать иглу, конечно, пальцы покраснеют, даже если вышиваю новый носовой платок, они также реагируют! Цю Син,

ты и впрямь очень храбрая, ну ничего, я вместо князя Мина тебя проучу. — И, взяв с подоконника блюдце с лежащими там фруктами, девушка кинула его в сестру.

Цю Син нагнулась, уворачиваясь от летящих в неё плодов, и, хлопая в ладоши, изрекла:

— Наконец немного полегчало, а то со вчерашнего вечера, как вернулась, ходишь дуешься, даже говоришь, как сонная муха, а оказывается, твоё настроение только при князе Мине немного улучшается.

При упоминании вчерашнего вечера Фэн Мин спешно отозвался:

— Да, кстати, что, в конце концов, вчера произошло? Ло Юнь что, снова выхватил меч и припугнул тебя? Если это так, я обязательно вместо тебя восстановлю справедливость: хочешь, чтобы его схватили и отругали разок[17]?

На лице стоящей в стороне Цю Син появилось удивление, а сама девушка подумала: «Князь Мин, когда Вы с Ло Юнем сталкиваетесь, то, кажется, обычно бранят Вас...»

Цю Юэ, услышав имя Ло Юня, ощутила, как беспричинно быстро забилося сердце в груди, и, словно пойманный разбойник, девушка «спряталась» за волосами, что ниспадали на бок со лба, а затем смущённо пролепетала:

— Касаемо Ло Юня, а что произошло? Он осмелится вытащить меч и запугать меня?! Ах, время близится к закату, когда князь Мин должен ужинать. Возвращайтесь к себе, но будьте осторожны: Цю Лань, уже приготовив кушанья, ждёт-недождётся в Ваших покоях, и она злится.

Внезапно подпрыгнув, Фэн Мин изменился в лице:

— Плохо дело! То, что ждёт Цю Лань — не столь важно, а вот что Жун Тянь заждался, вот это скверно. Я, уходя утром, ещё пообещал, что пораньше вернусь и составлю ему компанию... — бросая последнюю фразу, Его Светлость выскочил из комнаты.

Примечания:

[1] В оригинале используется фраза 身居于此, 长大于此 (shēngyú sī chángyú sī) — шэнъюйсы чанъюйсы — родился здесь, вырос здесь (про любовь к своей родине).

[2] В оригинале фраза звучит как 吐息 (tùxǐ) — тусюэ — данная фраза выражает сильнейшее потрясение или же гнев, также можно перевести как «вне себя».

[3] 天壤之别 (tiān mǎ xíng kōng) — тянь ма син кун — дословно можно перевести как «небесный

скаун мчится по воздуху», обр.: полёт мысли, богатство воображения, неуёмная фантазия.

[4] Дворец за пределами главного дворца, где жил император во время своих путешествий.

[5] 风生水起 (fēngshuǐ lúnliú zhuǎn) — фэншуй лунлю чжуань — дословно «ветер и вода сменяют друг друга», обр. о смене ролей.

[6] В оригинале фраза записана как 个头巨大 (gètóu jù dà) — гэтоу цзю да — которую иероглифно можно перевести как «голова сразу стала большой, увеличилась в размерах», но в китайском обнаружилось другое предложение, которое вносит некую ясность первоначальной фразе, 圆头滚地 (yuántóu gǔndì) — игэ тоу лянгэ да — что означает «голова идёт кругом, голова квадратная, голова болит (от проблемы)».

[7] В китайском это обозначается Bianzi chou de tuoluó (biānzi chōu de tuólúo) — бьянцзы чоу дэ толо. Этот волчок больше напоминает юлу или спиннер, только его стегают плетью, чтобы привести в движение.

[8] 一针见血 (yī zhēn jiàn xiě) — и чжэнь цзянь сюэ — «кровь с первого укола», обр. в знач.: попасть в самую точку; не в бровь, а в глаз.

[9] В оригинале фраза звучит как 胡天胡地 (hú tiān hú de) — ху тянь ху ди — идиома, использующаяся для описания безрассудного поведения. Есть подобная идиома, но с другим последним иероглифом: 胡天胡地 (hútiān húdì) — хутянь худи — 胡(ху) переводиться как «безрассудно», 天(тянь) — «небо», 地(ди) — «император», то есть «безрассудный император — сын безрассудного неба», что означает опрометчивое поведение.

[10] Цю Син называет Ло Юня 傻小子 (shǎ xiǎozǐ) — сы сяоцзы — «дурной мальчишка», «негодник» (также можно и грубо перевести «никчёмный подлец», «негодяй»). Так обычно старшие называют младших.

[11] «Выпить не то лекарство» — обр.: не в своём уме, не в себе, чокнулся, рехнулся, белены объелся.

[12] В оригинале автор называет Цю Син 女巫 (mǔyècha) — му еча\му якша — данное слово описывает ведьму либо женщину-демона. Якшами в буддизме и индуизме являются злые демоны или духи. Впоследствии название стало обозначать отвратительных, коварных и злых людей.

[13] «Мягкий, как вода» — обр. нежный, мягкий.

[14] В оригинале фраза звучит как «не сказав и двух слов», что означает «без лишних слов», «без возражений».

[15] Цю Син употребляет слово 大坏蛋(dà\dài\ tài huài dàn) — да хуайдань — что можно перевести как «большой мерзавец», «отвратительный негодяй»; в английском переводе данная фраза звучит как «the big bad wolf» — «большой плохой волк».

[16] Имеются в виду лёгкие доспехи из шкуры дикого зверя.

[17] Фэн Мин говорит 嘛 (mà yī dùn) — ма идунь — что можно перевести как «выбранить», а также на молодежном слэнге «поймать», «заставить страдать». Если же по-иероглифно, то 嘛 (ма) переводится как «бранить», а 一次 (идунь) — «один раз».

<http://bllate.org/book/13377/1584217>